

Он видел, как пишет Тан Сю, и как пишет его менеджер Ли Цзыпин. Если бы не совершенно другой почерк на бумаге, он бы почти заподозрил, что Тан Сю тайно помогает ему.

Глаза этого молодого человека сияли, словно отполированное зеркало. Когда он смотрел на тебя, каким бы безмятежным ни был его тон, казалось, он уже разгадал все твои секреты и выставил их на солнце.

...

Чжан Кайсин не ошибся — Цзян Цяо не вернулся весь день. Придирчивость помощника режиссёра не шла ни в какое сравнение с каким-нибудь Яньло, и съёмочная группа сегодня продвигалась очень гладко, закончив к пяти часам вечера.

Ассистенты радостно купили кучу фруктов, молочного чая, семечек и прочего. Все сидели перед зданием, щёлкали семечки и болтали.

Никто не хотел уходить. Не то чтобы не устали, просто в народе живёт любопытство — всем хотелось посмотреть, как отреагирует режиссёр по возвращении.

Ху Гуанжань ел виноград и выплёвывал кожуру, покачивая головой:

— Нашему фильму, похоже, не везёт. Думаю, режиссёру стоит найти кого-нибудь посмотреть фэншуй.

Тан Сю с удивлением посмотрел на него:

— В каком смысле?

— Подумай, до тебя в представлении режиссёра Цзян Цяо на роль Сяо Байя были Сун Мян и Лу Канцзин, но ещё до начала съёмок с ними обоими случились неприятности. Ван Юя режиссёр тоже недавно повысил до важного второстепенного персонажа, а на следующий день и тот влип. — Ху Гуанжань не удержал виноградину, мякоть выскользнула, в руке осталась лишь сморщенная кожура. Он на мгновение застыл, затем выбросил кожуру в мусорное ведро и продолжил:

— Этот фильм ещё и сам Цзян Цяо вкладывает. Эх...

Тан Сю немного послушал, затем тихо сказал:

— Если во время съёмок всплывает крупный скандал, это считается личным нарушением Ван Юя, съёмочная группа не понесёт убытков, верно?

Чжан Кайсин, сидевший рядом, махнул рукой:

— Не в этом дело. С тех пор как «Плаха для лис» начала сниматься, из-за кастинга и смены актёров она уже несколько раз попадала в топы. Если грянет ещё один скандал, народ точно решит, что с этим сериалом одни проблемы. Ценность фильма — вещь эфемерная, нынче зрители всё более привередливые, кто знает, какие мысли у них появятся. Эх, режиссёр Цзян — человек гордый, дорожит репутацией, для него это важно.

Услышав это, Тан Сю надолго задумался.

К одиннадцати часам вечера, когда все любители поболтать уже разошлись, Цзян Цяо наконец вернулся.

Режиссёр незаметно вернулся в съёмочную группу, сделал вид, что ищет ключи у двери своей комнаты, огляделся по коридору — никого — и сразу же прокрался в комнату напротив.

Тан Сю сидел на кровати в майке, погружённый в свои мысли. Цзян Цяо, не постучав, юркнул внутрь, чем сильно его напугал. Тан Сю нахмурился:

— Режиссёр, вы всё развязнее входите в комнаты актёров.

Цзян Цяо промычал в ответ, глаза его скользнули по фигуре Тан Сю, обтянутой майкой, и он понизил голос:

— А ты в съёмочной группе тоже всё развязнее себя ведёшь. Раньше хотя бы в пижаме ходил, а теперь всё время в майке, никакого бессмертного духа десяти тысячелетнего божества. Может, только и думаешь, как соблазнить режиссёра?

Тан Сю не сдержал улыбки:

— Похолодало, ткань моей пижамы слишком прохладная. А ты говоришь так, словно у меня полно скрытых умыслов.

Цзян Цяо усмехнулся и, не церемонясь, плюхнулся на край кровати:

— Хочу поговорить с тобой о Ван Юе.

Старый Предок лишь кивнул:

— Хм.

— Ситуация с Ван Юем гораздо серьёзнее, чем с Лу Канцином. Хотя новости о Лу Канцине были громкими, он всего лишь несколько раз пробовал экстази, что в наших кругах не редкость. Но Ван Юй баловался гораздо большим разнообразием веществ. Сегодня в полиции я слушал их перечисление — самому стало интересно.

Однако Тан Сю сказал:

— Разницы нет. И то, и другое — употребление наркотиков.

Цзян Цяо запнулся:

— В этом ты прав, но я думал, так тебе будет легче.

Тан Сю, который всё это время, опустив глаза, слушал Цзян Цяо и листал Weibo, поднял веки, в глазах мелькнуло недоумение:

— Мне? Что со мной?

Цзян Цяо с подозрением посмотрел на него:

— Ты... к Лу Канцину действительно не испытываешь ни капли сочувствия, как к знакомому?

Тан Сю вздохнул, с лёгкой досадой ответил:

— Старый Предок, проживший десять тысяч лет, существует, чтобы наказывать зло и поощрять добро. Сочувствие и гнев — эмоции, от которых я давно отказался.

Цзян Цяо удивился:

— Эмоции можно отказаться?

Тан Сю кивнул:

— Можно. — Он взглянул на Цзян Цяо и добавил:

— Если бы ты прожил так долго, постепенно бы понял: таков Путь.

Цзян Цяо, проживший немало, никогда раньше не испытывал ощущения, когда всезнающий просвещает полного невежду. Ощущение было новым и, к его удивлению, не вызывало неприязни. Он вдруг о чём-то вспомнил:

— Кстати, вам, практикующим, нужно отказываться от всех эмоций и желаний? Кроме сочувствия и гнева, что ещё?

Тан Сю усмехнулся:

— О чём ты хочешь спросить? О плотских желаниях, о любви?

Цзян Цяо поперхнулся. Старый Предок говорил слишком прямо, даже его, человека с толстой кожей, это смутило.

Однако Тан Сю не считал, что затронул какую-то стыдливую тему. Он серьёзно сказал:

— Вообще-то нет. Тысячи лет назад Небо ценило помыслы, и мы, практикующие, сознательно подавляли некоторые инстинктивные эмоции. Но последние несколько тысяч лет Небо стало ценить поступки. Практикующему достаточно делать то, что должно, а что он думает в душе, Небо не интересуется.

Он взглянул на Цзян Цяо, и в уголке его рта мелькнула лёгкая улыбка:

— Я не сочувствую страданиям, не гневаюсь на зло — это просто моя личная привычка. Прожив десять тысяч лет, слишком многое повидал. Если всё превращать в свои эмоции и носить в сердце, Старый Предок и вправду станет старым предком.

— Логично, логично, — поспешно закивал Цзян Цяо. — Вот это великая мудрость — облегчить душу.

«Какое там облегчение», — мысленно усмехнулся он, но на душе стало легче: к счастью, этот старый бессмертный не отказался от любви в своей жизни.

Тан Сю, видя, что тот о чём-то размышляет, вдруг спросил:

— Кстати, Ван Юя собираются уволить из съёмочной группы?

Цзян Цяо кивнул:

— Конечно. Это моя съёмочная группа, и нечистым здесь не место.

Тан Сю, подперев голову рукой, смотрел на него:

— Значит, ты меня ненавидишь?

— А? — Цзян Цяо опешил. — О чём это ты?

— Чжан Кайсин сказал, режиссёр Цзян терпеть не может, когда в съёмочной группе происходят неприятности. Первый главный герой твоего фильма был Лу Канцзин, но он попал в беду, и его пришлось заменить. Теперь, спустя немного времени после начала съёмок, важный второстепенный персонаж тоже влип. Если подумать, обе эти истории связаны со мной. Разве ты не ненавидишь меня? — В голосе Старого Предока звучала лёгкая игривость, но глаза были серьёзными.

Цзян Цяо рассмеялся, несколько секунд смотрел на него:

— Не ненавижу. Просто думаю, что этот фильм в этом году очень... своеобразный.

— Своеобразный?

— Угу. — Цзян Цяо сдержал желание потрепать Старого Предока по голове и спокойно сказал:

— С тех пор как я встретил странного человека в лифте, всё стало очень своеобразным.

Тан Сю слегка скривил губы. Он, кажется, понял, что Цзян Цяо пытался сказать что-то романтическое, но романтические клетки у этого парня явно кривые — каждый раз, когда он пытается быть романтическим, получается плачевно.

Цзян Цяо, видя, что тот не реагирует, занервничал и попытался исправить ситуацию:

— Я имею в виду своеобразие не в смысле самоиронии, а восхищения жизненными перипетиями...

Тан Сю прикрыл ему рот ладонью, смотря с лёгкой досадой:

— Старый Предок понял, что ты хотел сказать. Не усугубляй.

— М-м. — Цзян Цяо замолчал, но сердце его вдруг ёкнуло, и он слегка прикоснулся губами к ладони Тан Сю.

Лёгкий поцелуй в ладонь — щекотно и мягко. Тан Сю почувствовал, как ток пробежал от кончиков пальцев до самого сердца. Он машинально отдернул руку и несколько секунд смотрел на Цзян Цяо в оцепенении.

Затем он вдруг о чём-то вспомнил и резко обернулся.

Стяг сбора душ лежал тихо — не поймёшь, жив или мёртв.

— Как же так... — прошептал Тан Сю с глубоким разочарованием.

— Что случилось? — Цзян Цяо, приподняв бровь, приблизился и тоже взглянул на стяг. Хотя Тан Сю не раз уверял его, что это не демон, вид этой штуки всё равно вызывал у него дискомфорт.

На самом деле дело было не только в прошлом испуге. С тех пор как он впервые увидел эту вещь в доме Тан Сю, он чувствовал что-то странное. Эта штуковина была уродливой и старой, и такой придирчивый человек, как он, вряд ли бы захотел увидеть её во второй раз. Но когда он тогда в гостиной Тан Сю мельком взглянул на неё издали, эти причудливые узоры словно врезались ему в память.

<http://bllate.org/book/16171/1449928>